

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

I. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой Королевской площади. В одном доме собралось большое общество — иногда ведь приходится принимать гостей, — зато потом и сам можешь надеяться на приглашение. Часть гостей уселась за карточные столы, другая — окружила хозяйку, предложившую придумать тоже какое-нибудь занятие, а пока потекла неторопливая беседа.

Разговор зашел, между прочим, о средних веках, и некоторые утверждали, что те времена куда лучше наших. Особенно горячо настаивал на этом советник Кнап, к нему присоединилась хозяйка дома, и вдвоем они стали опровергать мысль Эрстеда, доказывавшего в новом

альманахе, что наше время гораздо выше средних веков. Самою лучшею и счастливейшею порой советник признавал времена короля Ганса.

Пока идет этот спор, который прервался лишь на минуту, когда принесли вечернюю газету, в которой, впрочем, нечего было читать, заглянем в переднюю, где остались пальто, трости, зонтики и калоши. Тут сидели две женщины, молодая и пожилая, сопровождавшие, по видимому, каких-нибудь старых барынь и вдовушек. Присмотревшись повнимательнее, всякий, однако, заметил бы, что они не простые служанки: руки их были слишком нежны, осанка и все движения слишком величественны, да и платье отличалось каким-то особенно смелым, своеобразным покроем. Это были две феи: младшая из них была если и не сама фея Счастья, то горничная одной из ее камер-фрейлин, обязанностью которой было приносить людям маленькие дары счастья; пожилая, смотревшая серьезно и озабоченно, была фея Печали, всегда выполнявшая свою грустную работу сама, — таким образом она, по крайней мере, знала, что все сделано как следует.

Они рассказывали друг другу, где побывали в этот день. Горничной одной из

камер-фрейлин феи Счастья удалось исполнить сегодня лишь несколько мелких поручений: спасти от ливня чью-то новую шляпу, передать одному почтенному человеку поклон от важного ничтожества и т. п. Зато в запасе у нее было кое-что необыкновенное.

— Дело в том, — сказала она, — что сегодня день моего рождения, и в честь этого мне дали пару калош, которые я должна подарить людям. Калоши эти обладают чудесным свойством переносить каждого, кто наденет их, в любое место или в любую эпоху по его желанию — и человек станет, наконец, воистину счастливым!

— Как бы не так! — сказала фея Печали. — Твои калоши принесут ему истинное несчастье, и он благословит ту минуту, когда избавится от них!

— Ну вот еще! — сказала младшая из фей. — Я поставлю их тут у дверей, кто-нибудь по ошибке наденет их вместо своих и станет счастливым.

Вот какой был разговор.

II. Что случилось с советником

Было уже поздно. Советник Кнап, продолжая размышлять о прекрасных

временах короля Ганса, собрался домой. И надо же такому случиться, что вместо своих калош он надел калоши Счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош сразу перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его в ту же минуту увязли в непролазной грязи — в то время еще не было тротуаров.

— Вот грязища-то! Ужас что такое! — воскликнул советник. — Вся дорога затоплена, и ни одного фонаря!

Луна поднялась еще не высоко, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке. На ближайшем углу висел образ Мадонны¹, и перед ним зажженная лампада. Свет от нее был так слаб, что советник заметил его лишь поравнявшись с образом вплотную.

— Ну вот, — сказал он, — тут, верно, выставка картин, и они забыли одну убрать на ночь.

В это время мимо советника прошло несколько человек в средневековых костюмах.

— Что это они так вырядились? Должно быть, на маскараде были! — удивился советник.

¹ Во времена короля Ганса в Дании господствовало еще католичество. (*Примеч. перев.*)

Вдруг послышались барабанный бой и трель дудок, замелькали факелы. Советника остановило странное зрелище: по улице двигалась процессия — впереди шли барабанщики, усердно работавшие палочками, за ними солдаты, вооруженные луками и арбалетами. Вся эта свита сопровождала какое-то знатное духовное лицо. Пораженный советник спросил, что означает это шествие и что это за важное лицо?

— Епископ Зеландский! — ответили ему.

— Господи помилуй! Что такое приключилось с епископом? — вздохнул советник, качая головой. — Нет, не может быть, чтобы это был епископ!

Размышляя о только что виденном и не глядя по сторонам, советник вышел на площадь Высокого моста. Моста, ведущего к дворцу, на месте, однако, не оказалось, и советник впотьмах едва разглядел какой-то широкий ручей да лодку, в которой сидело двое парней.

— Господину угодно на Остров? — спросили они.

— На Остров? — переспросил советник, не подозревавший, что блуждает в средних веках. — Мне надо в Христианову гавань, на Малую Торговую улицу.

Парни изумленно посмотрели на него.

— Скажите мне, по крайней мере, где мост! — продолжал советник. — Ведь это безобразие! Не горит ни единого фонаря, и такая грязь, словно шагаешь по болоту.

Но чем больше он говорил с ними, тем меньше понимал их.

— Не понимаю я вашей борнгольмщины!¹ — рассердился советник, наконец, и повернулся к ним спиной.

Однако ни моста, ни переправы ему так и не удалось найти.

— Что же это такое?! — возмутился он.

Никогда еще реальность не казалась ему такой жалкой, как в данную минуту!

«Лучше взять извозчика! — подумал он. — Но куда же они все подевались? Ни одного! Вернусь на Новую Королевскую площадь, там, наверное, стоят экипажи! Иначе мне вовек не добратся до Христиановой гавани».

Он снова вернулся на Восточную улицу и уже почти прошел ее, когда над головой его всплыла луна.

¹ Борнгольмское наречие довольно сильно отличается от господствующего в Дании зelandского наречия. (*Примеч. перев.*)

— Боже милостивый! Что это тут нагородили? — изумился он, увидев перед собой Восточные городские ворота, которыми заканчивалась Восточная улица в средние века.

Наконец он отыскал калитку и вышел на нынешнюю Новую Королевскую площадь, которая в те времена была большим лугом. Кое-где торчали кусты, а посредине протекал не то ручей, не то канал. На противоположном берегу виднелись жалкие деревянные лачуги, в которых ютились лавки алландских шкиперов, отчего и само место называлось Алландским мысом.

— Или это мираж, фата-моргана, или я пьян! — заохал советник. — Что же это такое? Что же это такое?

Он опять повернул назад в полной уверенности, что болен. На этот раз он внимательней смотрел по сторонам и заметил, что большинство домов построено пополам из кирпичей и бревен и многие крыты соломой.

— Да! Я нездоров! — вздыхал он. — Выпил всего один стакан пунша, но для меня и этого много! Да и что за нелепость — угощать гостей пуншем и вареной семгой! Я непременно скажу об этом агентше! Может, вернуться к ним и рас-

сказать, что со мной случилось? Нет, неловко! Да и, пожалуй, они улеглись!

Он поискал знакомый дом, но и его не было на месте.

— Это ужас что такое! Я не узнаю Восточной улицы! Ни единого магазина! Повсюду какие-то старые, жалкие лачуги, точно я в Роскильде или Рингстеде! Ах, я болен! Нечего тут и стесняться! Вернусь к ним! Но куда же девался дом агента? Я не узнаю его!.. А, вот тут еще не спят! Ах, я совсем, совсем болен!

Он натолкнулся на полуотворенную дверь, из которой лился свет. Это была одна из харчевен той эпохи, нечто вроде нашей пивной. В комнате с глиняным полом сидели за кружками пива несколько человек: шкиперы, копенгагенские горожане и, судя по виду, двое ученых. Они были заняты беседой и не обратили никакого внимания на вновь вошедшего.

— Извините! — сказал советник встретившей его хозяйке. — Мне вдруг сделалось дурно! Не наймете ли вы мне извозчика в Христианову гавань?

Женщина посмотрела на него и покачала головой, потом заговорила с ним по-немецки. Советник подумал, что она не понимает по-датски, и повторил свою

просьбу на немецком языке. Это обстоятельство, а также покроей его платья убедили хозяйку в том, что он иностранец. Ему не пришлось, впрочем, повторять два раза, что он болен, хозяйка быстро принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался о том, что он видел перед собой.

— Это вечерний «День»? — спросил он, лишь чтобы сказать что-нибудь, увидев в руках хозяйки какой-то большой лист.

Она не поняла его, но протянула ему лист. Это был грубый рисунок, изображавший небесное явление, виденное в Кельне.

— Старинная картина! — сказал советник и совсем оживился, увидев такую редкость. — Откуда вы достали этот листок? Очень интересно, хотя это все выдумка! Как теперь объясняют, это было северное сияние, известное проявление электричества!

Сидевшие поближе и слышавшие его речь посмотрели на него с удивлением, а один из них даже встал, почтительно приподнял шляпу и серьезно сказал:

— Вы, вероятно, большой ученый, monsieur?

— О нет! — отвечал советник. — Не очень! Хотя, конечно, могу говорить на разные темы, не хуже других!

— Modestia¹ — прекраснейшая добродетель! — сказал собеседник. — Что же касается вашей речи, то mihi secus videtur², хотя я охотно подожду высказывать свое iudicium!³

— Смею спросить, с кем имею удовольствие беседовать? — спросил советник.

— Я бакалавр богословия! — отвечал собеседник.

Советнику все стало ясно — звание соответствовало одежде незнакомца. «Должно быть, какой-нибудь сельский учитель, каких еще можно встретить в глуши Ютландии!» — решил он про себя.

— Здесь, конечно, не locus docendi⁴, — начал опять собеседник, — но я все-таки прошу продолжить вашу речь! Вы, должно быть, большой знаток древней литературы?

— Да, пожалуй! — отвечал советник. — Я почитаваю кое-что хорошее и из древней литературы, но люблю и

¹ Скромность (лат.).

² Я другого мнения (лат.).

³ Суждение (лат.).

⁴ Место ученых бесед (лат.).

новейшую, только не «обыкновенные истории»¹ — их довольно и в жизни!

— «Обыкновенные истории»? — переспросил бакалавр.

— Да, я говорю о современных романах.

— О, они очень остроумны и имеют большой успех при дворе! — улыбнулся бакалавр. — Королю особенно нравятся романы о рыцарях Круглого стола, Ифвенте и Гаудиане. Он даже изволил шутить по этому поводу и со своими приближенными².

— Этого я еще не читал! — сказал советник. — Должно быть, Гейберг опять что-нибудь новое выпустил!

¹ Здесь намекается на известный, произведший большую сенсацию роман датской писательницы г-жи Гюллембург «Обыкновенная история». (*Примеч. перев.*)

² Знаменитый датский писатель Гольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что король Ганс, прочитав роман о рыцарях короля Артура, шутливо заметил своему любимцу, Отто Руду: «Эти господа Ифвент и Гаудиан были удивительными рыцарями; теперь что-то таких не встречается!» На это Отто Руд ответил: «Если бы встречалось много таких королей, как Артур, встречалось бы много и таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (*Примеч. авт.*)